

Мир науки. Социология, филология, культурология <https://sfk-mn.ru>
World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies

2024, Том 15, № 2 / 2024, Vol. 15, Iss. 2 <https://sfk-mn.ru/issue-2-2024.html>

URL статьи: <https://sfk-mn.ru/PDF/03FLSK224.pdf>

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)

5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)

Ссылка для цитирования этой статьи:

Медведева, Т. В. Концепт «мать» как ядро концептосферы «семья» в детской литературе М.М. Пришвина (на примере цикла рассказов «Золотой луг») / Т. В. Медведева // Мир науки. Социология, филология, культурология. — 2024. — Т. 15. — № 2. — URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/03FLSK224.pdf>

For citation:

Medvedeva T.V. The concept of «mother» as the core of the concept sphere «family» in children's literature M.M. Prishvin (on the example of the cycle of stories «Golden meadow»). *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*. 2024;15(2): 03FLSK224. Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/03FLSK224.pdf>. (In Russ., abstract in Eng.)

УДК 821/161/1

Медведева Татьяна Владимировна

ФГБОУ ВО «Самарский государственный институт культуры», Самара, Россия

Доцент кафедры «Культурологии, музеологии и искусствоведения»

Кандидат филологических наук

E-mail: medvedeva@smrgaki.ru

Концепт «мать» как ядро концептосферы «семья» в детской литературе М.М. Пришвина (на примере цикла рассказов «Золотой луг»)

Аннотация. Пришвин — признанный литературоведами певец природы и детский писатель. Однако писателя привлекает не только природа, но и человек как часть этой природы. Большое место в детских рассказах Пришвина занимает именно человек как член некой традиционной общности, основанной на близкородственных отношениях между членами этой общности — семьи.

При проведении лингвистических исследований содержательной структуры текста, в том числе художественного, сегодня нередко пользуются методом концептуального анализа, реализации которого могут способствовать приёмы компонентного анализа лексических единиц, описание их парадигматических и синтагматических связей, лингвистическое моделирование, семантический анализ словарных дефиниций, контекстуальный анализ.

В данной статье для анализа содержательной структуры авторского текста выбрана одна из базовых концептосфер, имеющих особую эстетическую значимость в творчестве Пришвина, — концептосфера «семья».

Источником исследования являются тексты рассказов разных периодов творческой деятельности автора, собранные в цикл «Золотой луг». Фактический материал, собранный методом сплошной выборки, представлен более чем двумястами словоупотреблениями лексических единиц, участвующих в организации исследуемой концептосферы. Рассмотрены 109 рассказов, включенные в цикл. Количественные показатели свидетельствуют о важности понятия «семья» для автора и значимости исследуемой концептосферы в мировоззрении М.М. Пришвина.

Наблюдения выявили, что само словонаименование концептосферы «семья» употребляется автором крайне редко. Автор для наименования предмета своего повествования наряду с прямыми обозначениями лиц или животных часто пользуется словами лексико-семантической группы со значением родственных и близкородственных связей, составляющих семантическое поле концептосферы «семья»: «мать», «отец», «брат», «сын», «дочь», «сват», «дед», «бабушка» и др.

Ядром концептосферы «семья» у Пришвина является концепт «мать». Лексема «мать» частотна в употреблении, в цикле рассказов встречается около 50 словоупотреблений разных падежных форм этого слова в двух значениях.

На протяжении всего цикла автор постепенно создает образ «Великой Матери», материнство у Пришвина естественно, желанно, инстинктивно с одной стороны и осмысленно, жертвенно — с другой.

Семья для Пришвина имеет как конкретно человеческое, так и обобщенно природное и надприродное значение. Это единственно возможная, необходимая для выживания рода форма сосуществования подобных друг другу особей. Это огромный мир, центром которого является мать как мощная инстинктивная сила, творящая и хранящая жизнь во всех ее проявлениях. Таким образом, анализ концептосферы «семья» показал, что чтение детских рассказов Пришвина в дошкольном возрасте и изучение его творчества младшими школьниками способствует формированию системы традиционных семейных ценностей, уважительного отношения к старшим поколениям и заботы о младших.

Ключевые слова: концепт; концептосфера; концептуальный анализ; миропорождающий анализ; ядро концептосферы; синтагматические связи; парадигматические связи

Введение

Советское литературоведение прочно закрепило за именем Михаила Михайловича Пришвина звание певца природы и детского писателя [1; 2].¹ И сегодня в дошкольном и школьном образовании при обсуждении воспитательного значения творчества Пришвина речь идет о расширении кругозора детей, о развитии навыка внимательного наблюдателя за реальной природной действительностью, о воспитании любви и бережного отношения к родной природе. Это совершенно оправданно и обусловлено Пришвинской тематикой произведений для детей, отражающей основополагающие этические поведенческие принципы, умением автора-героя стать примером для подражания для своих читателей, что является лучшим способом воспитания, и отсутствием излишнего морализаторства и назидательности, позволяющим делать собственные выводы о добре и зле, о пользе и вреде.

Однако кроме перечисленных воспитательных возможностей, детские рассказы Пришвина не менее успешно способны формировать представление о семье как о необходимом, желаемом сообществе, связанном не столько кровно, сколько духовно и морально, а, следовательно, прививать систему традиционных семейных ценностей, требующую защиты как со стороны государства, так и со стороны российского общества в сложившейся ситуации деструктивных угроз запада, а значит, способствовать патриотическому воспитанию уже с дошкольного возраста, так как общеизвестно, что не бывает любви к отечеству без любви к своей семье.

¹ Бочаева, Н.Г.М. Пришвин — писатель-анималист [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://prishvin.lit-info.ru/prishvin/kritika/bochaeva-prishvin-pisatel-animalist.htm>.

Варламов, А.Н. Жизнь как творчество в дневнике и художественной прозе М.М. Пришвина: дис. ... д-ра филол. наук. Москва, 2003. — 424 с.

Пришвина-писателя привлекает не только природа, но и человек как часть этой природы. Большое место в детских рассказах Пришвина занимает именно человек как член некой традиционной общности, основанной на близкородственных отношениях между членами этой общности — семьи. Писатель находит общие черты между человеческой семьей и семьей животных или птиц. На примере отношений в мире животных показывает ценность родительской, чаще материнской, связи с потомством, заботы, самопожертвования, смелости. Поэтому, на наш взгляд, несомненной представляется идейная и эстетическая ценность концептосферы «семья» в творческой парадигме М.М. Пришвина. Актуальность исследования обусловлена тем, что концептуальному анализу детская проза Пришвина ранее не подвергалась.

Цель данной научно-исследовательской статьи — с помощью метода концептуального анализа выявить ядерный концепт в структуре концептосферы «семья», определить ее мировоззренческую и воспитательную значимость в цикле детских рассказов М.М. Пришвина «Золотой луг».

Методы и ход исследования

Некоторые принципы современного языкознания, сформулированные в последнее десятилетие XX в., такие как экспансионизм — активные и широкие выходы науки о языке в другие науки, и антропоцентризм — изучение языка с целью познания его носителя, делают актуальным дальнейший поиск новых приёмов анализа художественной ткани литературных произведений [1].

При проведении лингвистических исследований содержательной структуры текста, в том числе художественного, сегодня нередко пользуются методом концептуального анализа, реализации которого могут способствовать приёмы компонентного анализа лексических единиц, описание их парадигматических и синтагматических связей, лингвистическое моделирование, семантический анализ словарных дефиниций, контекстуальный анализ.

Под концептуальным анализом будем понимать разновидность миропорождающего анализа, способного на реконструкцию мира по тексту. Особая роль в разработке метода миропорождающего анализа принадлежит французскому философу, филологу, семиотику, пропагандисту школы русского формализма Цветану Тодорову [2], который выделил текстовые категории, одинаково приложимые и к миру, и к тексту, например, категории модуса (наклонения), времени, точки зрения, которые также разработаны подробнее у В.В. Виноградова, Д.С. Лихачёва, Ю.М. Лотмана и других отечественных лингвистов [3–5].

Выявление и описание концептов художественного текста раскрывают важные особенности семантической структуры текста и способствуют более глубокому пониманию языковой личности автора и отражённой в его произведениях авторской картины мира. При концептуальном анализе художественной речи исследователь выявляет способы вербализации той части авторской картины мира, которая отражена в структуре произведения создателя. А через выявление способов вербализации концепта проявляется сам элемент «картины мира», соотносимый с концептом, то есть исследователь обращается к категориям, относящимся одновременно и к миру, и к текстам.

Термин «концепт» в современной лингвистике давно широко осмыслен, иногда его уравнивают с понятиями «ключевое слово», «слово-тема», «семантический узел» (Ю.Н. Караулов), или употребляют как синоним слова «понятие» и, говоря о языке художественного произведения, называют концепты «константами» (основополагающими идеями) (И.В. Абрамец, Ю.Н. Лихацкая) [6].

Исследователи З.Д. Попова и И.А. Стернин, отражая точку зрения воронежской теоретико-лингвистической научной школы, понимают под концептом «глобальную мыслительную единицу, представляющую собой квант структурированного знания».²

В лингвистическом энциклопедическом словаре концепт — «это явление того же порядка, что и значение слова, но рассматриваемое в несколько иной системе связей; значение — в системе языка, понятие (концепт) — в системе логических отношений и форм, исследуемых как в языкознании, так и в логике».³

В Кратком словаре когнитивных терминов даётся следующее определение: «Концепт — термин, служащий объяснению единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информативной структуры, которая отражает знания и опыт человека; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы языка мозга <...> всей картины мира, отражённой в человеческой психике».⁴

В сознании отдельных носителей языка тот или иной концепт имеет различные объём и выражение, так как зависит от индивидуальности мышления, особенностей психики, уровня культуры и социального статуса носителя языка. Концепт отражает интеллект индивидуума, его отношение к окружающему миру, его индивидуальный жизненный опыт. Концепт «тем богаче, чем богаче национальный, сословный, профессиональный, семейный и личный опыт человека, пользующегося концептами» [7, с. 5]. Поэтому наиболее целесообразно и ценно использовать метод концептуального анализа при работе над текстами авторитетных писателей, мастеров слова, каковым и является М.М. Пришвин. Кроме того, проза Пришвина, по мнению многих специалистов, автобиографична, часто главным действующим лицом автор выбирает себя, а значит, мир глазами героя и мир Пришвина практически идентичны.

Концептуальный анализ предполагает определение круга ключевых слов с выраженной номинативной функцией — имен существительных — на основе их количественных и качественных характеристик, выявление контекста употребления, установления их синтагматических и парадигматических связей.

«При этом за основу берутся и предложения, и их номинализации, и существительные конкретного и общего значения с учётом контекстов употребления. Эта процедура называется «концептуальным анализом», одна из задач которого сделать концепт более определённым».³

В данной статье для анализа содержательной структуры авторского текста выбрана одна из базовых концептосфер, имеющих особую эстетическую значимость в творчестве Пришвина, — концептосфера «семья».

Источником исследования являются тексты рассказов разных периодов творческой деятельности автора, собранные в цикл «Золотой луг», приведённые в 25-м томе издания «Библиотека мировой литературы для детей» издательства «Детская литература» в 1982 г.

Фактический материал, собранный методом сплошной выборки, представлен более чем двумястами словоупотреблениями лексических единиц, участвующих в организации исследуемой концептосферы.

² Попова, З.Д. Когнитивная лингвистика: учебное издание / З.Д. Попова, И.А. Стернин; Федеральное агентство по образованию, Воронежский гос. ун-т. — Москва: АСТ: Восток — Запад, 2009. 314 с. — С. 4.

³ Лингвистический энциклопедический словарь / [Науч.-ред. совет изд-ва "Сов. энцикл.", Ин-т языкознания АН СССР]; Гл. ред. В.Н. Ярцева. — Москва: Сов. энцикл., 1990. 682,[3] с. — С. 384.

⁴ Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина; Под общ. ред. Е.С. Кубряковой. — Москва: Филол. фак. МГУ, 1996. 245 с. — С. 90.

Итак, установим состав лексических единиц, соотносящихся с понятием «семья», проанализируем парадигматические, ассоциативные связи и отношения слов, формирующих концепт и концептосферу, выявим специфику синтагматических свойств ключевых лексических единиц в составе выделенной концептосферы, будем учитывать языковые средства не только лексического уровня, но и других уровней языка, участвующих в формировании концептосферы, в репрезентации определённых фрагментов мира М.М. Пришвина, системы его ценностей.

Нами рассмотрены 109 рассказов, включенные в цикл «Золотой луг». Однако исследуемая концептосфера не одинаково представлена во всех рассказах, и наиболее интересны и показательны 39 из них, в которых благодаря лексико-семантическим связям раскрываются те или иные элементы концептосферы. Еще более чем в 30 рассказах концептосфера «семья» репрезентируется на основе ассоциативных связей или является тем фоном, который читателем постигается в контексте всего цикла рассказов, как бы читается между строк. Количественные показатели свидетельствуют о важности понятия «семья» для автора и значимости исследуемой концептосферы в мировоззрении М.М. Пришвина.

Наблюдения выявили, что само слово-наименование концептосферы «семья» употребляется автором крайне редко и применительно не к группам людей, а только к группе животных, а именно диких кряковых уток в рассказе «“Изобретатель”»: *«Сосвистались, сплылись, радостно приняла их в свою семью Дуся; по Мусе они были ей родные племянники. Весь день большая сборная утиная семья плавала на прудике...»* [7, с. 18–19]. То есть в непрямом значении, судя по Словарю русского языка Евгеньевой, где «семья» в третьем значении — это «группа животных, состоящая из самца, самки (самок) и детенышей, живущих вместе».⁵

Однако в большинстве рассказов речь идет как о группах людей, соединенных семейными узами, так и о группах животных, возникших на основе семейных связей.

Автор для наименования предмета своего повествования наряду с прямыми обозначениями лиц или животных часто пользуется словами лексико-семантической группы со значением родственных и близкородственных связей, составляющих семантическое поле концептосферы «семья»: «мать», «отец», «брат», «сын», «дочь», «сват», «дед», «бабушка» и др. В контексте значение понятия «семья» у Пришвина максимально расширено, употребляется во всех зафиксированных толковыми словарями значениях: и как группы людей, и группы животных. Причем автор не только не противопоставляет человеческую семью и семью животных, он их уравнивает, и часто животная семья выглядит привлекательнее, чем человеческая, является примером для подражания.

Семья для Пришвина имеет высочайшую надприродную и надсоциальную ценность, это залог развития, продолжения и сохранения всей природной действительности. Интересны и ценны не столько отдельные особи, личности, соединенные кровными узами, сколько их совокупность и сами эти узы, связи и отношения между членами семьи, и не только кровные, это прежде всего общность взглядов, чувств и деятельности. Поэтому, повествуя о группе людей, состоящих в семейных отношениях, автор чаще всего выбирает местоименную номинацию в форме личного местоимения первого лица множественного числа («...**мы** жили в бревенчатом доме, **мы** устроили гнездо...») («“Изобретатель”»); «**Мы** жили тогда в небольшом рыжем домике...» («Наш сад»); «Когда вывелись утята, **мы** первое время держали их в кухне. ... **Мы** взяли ее под защиту...» («Хромка») и др.). Реже в значении семьи используются словосочетания с наименованиями ее членов, где в центре сохраняется личное местоимение и иногда используется форма притяжательного местоимения *мой*: («*мы с моими*

⁵ Словарь русского языка в 4-х томах. Изд. 3-е, стереотип. Москва: Русский язык, 1985, — Т. 4, с. 76.

ребятами» («Изобретатель»); «Я вдовой осталась с кучей маленьких детей» («Наш сад»); «мы с братом; у нас с братом» («Золотой луг»); «моя жена» («Журка») и др.).

Наибольший интерес в репрезентации любой концептосферы представляет ядерный концепт как центральный, ярче выраженный и имеющий наибольшее значение в понимании картины мира автора. В данном исследовании эмпирически установлено, что ядром концептосферы «семья» у Пришвина является концепт «мать», так как лексема «мать» наиболее частотна в употреблении. Так, в цикле рассказов встречается около 50 словоупотреблений разных падежных форм этого слова в двух значениях: (1) «женщина по отношению к рожденным ею детям», (2) «самка по отношению к своим детенышам». ⁶ Причем граница между этими двумя значениями у автора часто размыта или отсутствует.

Если говорить о формах числа, то автор использует исключительно форму единственного числа слова «мать», что отражает общечеловеческое представление о матери как о главном, единственном, самом важном существе в жизни каждого и личное биографически обусловленное отношение автора к матери и к женщине вообще. Как отмечает в своей статье «Пришвин, или гений жизни» исследователь А. Варламов, мальчик рано лишился отца и «так получилось, что женщины оказывали на мальчика гораздо больше влияния, чем мужчины. И после матери за его душу боролись две сестры...» [8, с. 133].

В литературном произведении не бывает случайных слов, это всегда осознанный отбор языковых единиц всех уровней. Поэтому особенно интересно, что цикл рассказов о природе начинается с очерка «Моя родина (из воспоминаний детства)», а первое предложение этого рассказа «*Мать моя вставала рано, до солнца*» подтверждает слова В. Солоухина, отрицающего мнение, что Пришвин писал «все больше о себе да о себе», и говорящего, что «основная тема творчества Пришвина, основной объект его художественного исследования — человек» [9, с. 14]. Попадая в такое текстуальное соседство, образы Родины и матери намеренно объединяются в сознании читателя, вот о какой матери хочет прежде всего говорить автор. Это подмечает и М. Горький: «Да на мой взгляд, и не о природе пишете Вы, а о большем, чем она, — о Земле, Великой Матери нашей. Ни у одного из русских писателей я не встречал, не чувствовал такого гармонического сочетания любви к Земле и знания о ней, как вижу и чувствую это у Вас» [10, с. 267].

Результаты исследования

На протяжении всего цикла автор постепенно создает образ «Великой Матери», складывает его из образов множества матерей, начиная с воспоминаний о своей матери. Материнство у Пришвина естественно, желанно, инстинктивно с одной стороны и осмысленно, жертвенно с другой. Материнство отвергает только «пустая голова», как осуждающе пишет автор: «*Пустая голова не захотела быть матерью* («Изобретатель»)» [7, с. 18].

Очерк «Моя родина» выполняет функцию введения, в нем обозначены все основные темы, которые будут подниматься в остальных рассказах, здесь и о наблюдении за растительным и животным миром, об охоте, о человеке как хозяине мира, о молодом поколении как условии продолжения жизни и др. Но первая половина очерка посвящена именно матери героя. Внешнее описание ее полностью отсутствует за неважностью, внутренние качества тоже не названы. И читатель может только предполагать или, зная историю жизни автора, из нее вспомнить, что фраза «мать моя вставала рано, до солнца» может значить то, что на ее плечах лежала забота о хозяйстве, о доме и домочадцах, она не понаслышке знала, что такое крестьянский труд. Автор в несколько коротких предложений укладывает огромную по объему

⁶ Словарь русского языка в 4-х томах. Изд. 3-е, стереотип. Москва: Русский язык, 1985, — Т. 2, с. 238.

и значимости информации о естественных материнских функциях и о роль матери в жизни ребенка.

Во-первых, мать — это пример для подражания, поэтому герой «однажды встал *тоже до солнца*», это, как правило, хороший, положительный пример, влияющий на всю последующую жизнь человека — «*это угощение решило жизнь мою в хорошую сторону: я начал вставать до солнца... и потом в городе я вставал рано... и часто-часто думаю: что если бы мы так для работы своей поднимались до солнца! Сколько бы тогда у людей прибыло здоровья, радости, жизни и счастья!*» [7, с. 15]. Таковы и остальные матери в рассказах: утки ведут утят к воде, своим примером учат плавать и нырять, тетеревята у матери учатся прятаться, оленята стремительно, зигзагами скрываться в чаще леса. Все самки с детенышами именуется автором матерьюми, часто настолько сильно очеловечиваются, что перед читателем предстает не конкретная животная особь женского пола, заботящаяся о детенышах, а неких обобщенный образ матери, материнства. Как, например, в рассказе «Ребята и утята» только в первом предложении автор именуется предмет своего повествования «маленькая дикая уточка чирок-свистунок», а далее она называется только «мать», а к концу и утята становятся сыновьями и дочерьми: «*...мать шла позади, чтобы не выпускать утят ни на минуту из виду*», «*...мать бегала за ними с раскрытым клювом...*», «*...собрались закидать шапками мать...*», «*Где теперь мать?*», «*Мать отлетела немного и, когда ребята ушли, бросилась спасать своих сыновей и дочерей*» [7, с. 20–21].

У Пришвина есть рассказы и об излишней материнской заботе, и о неподходящем материнском примере, как в историях про курицу Пиковую Даму, высиживающую утят или гусят и пытающуюся привить своим приемным детям повадки кур. Но это скорее исключение, чем правило, и повод для юмористической насмешки над «такой матерью», где указательное местоимение «такой» имеет индивидуально-авторскую насмешливо-уничижительную эмоциональную окраску. Это образ матери, которая считает, что лучше знает, что нужно ее детям: «*не хотела ничего замечать*», что «*дети ее вовсе даже на кур не похожи*» [7, с. 25]. Но у автора насмешка соединяется с восхищением самоотверженностью и смелостью и даже некоторым страхом перед матерью-курицей, которая сделает все для безопасности и защиты своих детей, не зря она носит торжественно-опасное имя «Пиковая Дамы».

Еще дважды в цикле рассказов читатель может встретить такую легкую полунасмешку и полуудивление над силой материнского инстинкта. Сначала в рассказе «Журка», где у ручного журавля выросли подрезанные крылья, и он улетел на середину болот, а жена автора-рассказчика отреагировала по-матерински инстинктивно: «*Мах-мах крыльями Журка и вдруг полетел. Жена ахнула и за ним. Мах-мах руками, а подняться не может. И в слезы, и к нам...*» [7, с. 28]. Потом в рассказе «Терентий», когда хозяйка Домна Ивановна на крик посаженного в подполье тетеревенка «*фиу, фиу*», который автор «переводит» как «*где ты, мама?*», настолько автоматически, инстинктивно отвечает — «*как мать отвечает сквозь сон человеческим детям*» — «*Милый ты мой...*», что не замечает в какой-то момент, как кричит уже не тетереенок, занятый ягодой, а сам рассказчик: «*А я отлично умею по-тетеревиному. Я просвистел... И Домна Ивановна сейчас же ответила...*» [7, с. 68].

Таким образом автор касается часто возникающей в человеческой семье проблемы, когда дети вырастают и уже не настолько нуждаются, чтобы мать их «*угрела своим материнским теплом*», хотя «*...чуть ли не выше матери, но все еще ходят за ней*» («Курица на столбах»). Автор на примере удивительной курицы и гусят или жены и Журки показывает, что процесс взросления долго и с трудом осознается и родителями, и детьми; обеим сторонам, как правило, переход к новому этапу жизни дается сложно, осознание приходит вдруг, неожиданно.

Во-вторых, мать — это кормилица, источник такого универсального продукта питания, как молоко (для млекопитающих). Герой уже вышел из младенческого возраста, поэтому «*мать угостила ... чаем с молоком*» («Моя родина») [7, с. 15], но как поэтично и ярко, с применением большого количества атрибутов и слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами автор рассказывает, что это было за «необыкновенно вкусное», кипяченое «в глиняном горшочке» молоко с «румяной пенкой», которое делало чай «прекрасным». Не раз еще встречается в цикл рассказов упоминание о чудодейственном, животворящем действии молока на детенышей лосей или оленей (*например, «Попив молочка, он поднялся, стал твердо»* («Рождение Кастрюльки») [7, с. 53]). Автор подробно рассказывает, что «сосать мать» — это первое, что делают олени или лосята, если им не грозит опасность, что пойманных оленят приучают пить молоко из бутылки и благодаря этому выхаживают их. Есть в цикле небольшой рассказ-зарисовка «Глоток молока», где ничего не говорится ни о семье, ни о матери, а речь идет о заболевшей собаке Ладе, которую автору удалось вылечить с помощью ласки и нескольких глотков молока, как бы выполняя функции матери. То есть ассоциативно перед читателем опять возникает образ заботливой матери, по аналогии с которой автор действует и достигает результата.

В-третьих, мать — это безопасная уютная атмосфера, тепло в прямом и переносном смысле. В «Моей Родине» об этом говорит и описание долгого кипячения молока, что невозможно без источника огня и тепла, и использование глагола «угостить» вместо более привычных и употребимых «напоить (меня)», «налить (мне)». Однозначный глагол «угостить» окрашен глубоко положительно — «с радушием предложить, дать поесть, выпить попробовать что-либо». ⁷ Атмосфера, создаваемая матерью, материнское тепло способствуют сохранности жизни и здоровья детенышей. Судя по тому, насколько часто, говоря, а иногда и не говоря прямо о матери, автор упоминает о материнском тепле, можно утверждать, что это одна из главных функций матери, по мнению Пришвина (например, «...*угрела своим материнским теплом*» («Курица на столбах»); «*Все утята спали в тепле под матерью*» («Изобретатель»)) и др. Причем, чтобы сохранить своих детей в безопасном мире матери у Пришвина никогда не находятся в спокойном, безмятежном состоянии, они совершают смелые, самоотверженные поступки, полностью забывают о себе и своей безопасности. Уточка бегаёт, перелетает с места на место и остается сидеть на кочке и с волнением наблюдать, как ребята ловят утят («Ребята и утята»). Курица до крови расклеывает спину огромной охотничьей собаки, неосторожно приблизившейся к ее гусятам («Пиковая Дама»). Самка пятнистых оленей нападает на орла и сминает его передними копытами («Орлиное гнездо»). Автор выражает свое восхищение таким поведением или ссылается на восхищенные слова других людей, например, как в рассказе «Лоси» на мнение деда «из ближайшей деревни», что лоси — «очень хорошенькие». Дед, объясняя такую характеристику, рассказывает историю, как лосиха, завидя его — охотника, не только не убежала и не бросила детей, а «*прямо на меня идет и яро глядит*», так что и про студень забыл... («Лоси»).

Причем материнский инстинкт заботы о потомстве у животных не исчезает и не притупляется даже в неволе. Об этом история семьи бурых медведей из Московского зоопарка в рассказе «Борец и Плакса», где медведица Плакса, ожидая потомства, «выгадала» (то есть мудро приняла верное решение), выбирая место для зимовки в вольере, защищала соломенную подстилку и медвежат от самца, который, наоборот, все усилия приложил, чтобы обустроить и утеплить свое гнездо. Автор использует приемы контраста и антитезы, чтобы мать-медведица у него получилась смелой и заботливой, а самец самовлюбленным, эгоистичным, глупым и смешным. Пришвин противопоставляет их посредством их же действий и поведения, используя слова со значением действия или состояния и со значением признака действия. Плакса почти все

⁷ Словарь русского языка в 4-х томах. Изд. 3-е, стереотип. Москва: Русский язык, 1985, — Т. 4, с. 461.

время спокойна и сосредоточенна, выполняет только самые необходимые действия, она «легла (под открытым небом)», тогда как Борец «устроился жить в нише». Медведица «выгадала», верно выбрав место, а «Борец поплыл», затем, «при крайней своей беде», как насмешливо говорит автор, «отодрал все железо (с дерева), слупил кору и принялся ее таскать», «драл... сколько мог надрать», «забрался на верхушку, свалился, ушибся, долго тер ушибленное место лапой, сердился, ворчал... наконец, лег». Она «очень обрадовалась (подстилке)» и «отлично устроилась» для родов, «а Борец тоже почему-то не остался равнодушным — медленно направился к гнезду». Медведица «обратила внимание на поведение супруга», в кульминационный момент в борьбе за солому — «внезапно встала», «быстро подошла», «дала затрещину», после которой «огромный медведь свалился и закрыл побитую голову лапами». После чего мать «успокоилась», «решилась обернуться», «принялась ... облизывать (медвежат)». А Борец продолжает совершать множество смехотворных действий: медленно ползет на брюхе, останавливается, глядит в глаза, ползет дальше, обманывает бдительность своим поведением, «жуликом подается на полшага вперед», ткнется мордой в пол, закроет морду лапами, но вдруг «молниеносно» вскакивает, хватая в охапку солому с подстилки и на задних лапах несет ее к себе, или как у автора, «высоко держа над собой копну, быстро промчал ее к себе...». Ситуация абсолютно комичная. В конце рассказа автор приводит логично приходящий на ум всем, узнавшим эту историю, вывод-восклицание: «Нечего сказать, отцы! Вот так отцы!» [7, с. 31–32]. Это единственный рассказ из цикла, где автор создает и характеризует образ отца. Однако нельзя утверждать, что автор к фигуре и поведению отца, к отцовству вообще, относится однозначно осуждающе или насмешливо. В этом рассказе между строк сквозит история жизни писателя, его детская обида на рано ушедшего из жизни отца, на свое сиротство. Но в целом во всем цикле самого писателя — главного героя, от лица которого ведется повествование — читатель воспринимает именно как отца семейства. И этот образ более чем привлекателен, что станет предметом наших дальнейших изысканий.

В заключении необходимо еще раз подчеркнуть, что семья для М.М. Пришвина имеет как конкретно человеческое, так и обобщенно природное и надприродное значение. Это единственно возможная, верная, необходимая для выживания рода форма сосуществования подобных друг другу особей. Это огромный мир, центром которого, несомненно, является мать как мощная инстинктивная сила, творящая и хранящая жизнь во всех ее проявлениях. А следовательно, чтение детских рассказов Пришвина в дошкольном возрасте и изучение его творчества младшими школьниками способствует формированию системы традиционных семейных ценностей, уважительного отношения к старшим поколениям и заботы о младших.

ЛИТЕРАТУРА

1. Берестнев, Г.И. О «новой реальности» языкознания // Филологические науки. 1997. № 4. — С 47–55.
2. Тодоров, Ц. Поэтика // Структурализм: «за» и «против» (Сб. статей)., Москва, Изд. «Прогресс» — 1975 — URL: https://zar-literature.ucoz.ru/magistratura/todorov_c_poehtika.pdf.
3. Виноградов, В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. — Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. — 255 с.
4. Лихачёв, Д.С. Концептосфера русского языка // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. — Москва, — 1993. — Т.52 — № 1. — С. 3–9.
5. Лотман, Ю.М. Анализ поэтического текста: структура стиха. — Ленинград: Просвещение, 1972. — 271 с.

6. Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации (на материале лексики, фразеологии и паремиологии): проспект словаря / Уральский гос. ун-т имени А.М. Горького, Проблемная группа "Русский глагол", Лаборатория компьютерной лексикографии; под общ. ред. Л.Г. Бабенко. — Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2010. — 338 с.
7. Пришвин, М.М. Золотой луг: [Рассказы] / Михаил Пришвин. Морские истории Рассказы о животных / Борис Житков. Рассказы и сказки / Виталий Бианки. Уральские сказы / Павел Бажов; [Вступ. статьи В.А. Солоухина и др. Ил. Н.А. Устинова]. — Москва: Дет. лит., 1982. — 718 с.
8. Варламов, А. Пришвин, или гений жизни. Биографическое повествование // Октябрь. — 2002. — № 1. — С. 130–184.
9. Солоухин, В.А. Очарованный странник // Пришвин, М. М. Золотой луг: [Рассказы] / Михаил Пришвин. Морские истории Рассказы о животных / Борис Житков. Рассказы и сказки / Виталий Бианки. Уральские сказы / Павел Бажов; [Вступ. статьи В.А. Солоухина и др. Ил. Н.А. Устинова]. — Москва: Дет. лит., 1982. — С. 5–14.
10. Горький, М. Пришвину. Письмо от 20 июня 1934. № 1122 // Горький Собр. соч. В 30 т.: Т. 30. Письма, телеграммы, надписи. 1927–1936. — Москва: ГИХЛ, 1956. — 820 с.

Medvedeva Tatyana Vladimirovna

Samara State Institute of Culture, Samara, Russia
E-mail: medvedeva@smrgaki.ru

The concept of «mother» as the core of the concept sphere «family» in children's literature M.M. Prishvin (on the example of the cycle of stories «Golden meadow»)

Abstract. Prishvin is a singer of nature and children's writer recognized by literary scholars. However, the writer is attracted not only by nature, but also by man as a part of this nature. A large place in Prishvin's children's stories is occupied by man as a member of a certain traditional community based on closely related relationships between members of this community — the family.

When conducting linguistic studies of the content structure of a text, including fiction, today they often use the method of conceptual analysis, the implementation of which can be facilitated by methods of component analysis of lexical units, a description of their paradigmatic and syntagmatic connections, linguistic modeling, semantic analysis of dictionary definitions, and contextual analysis.

In this article, to analyze the content structure of the author's text, one of the basic concept spheres that has a special aesthetic significance in Prishvin's work is chosen — the concept sphere «family».

The source of the research is the texts of stories from different periods of the author's creative activity, collected in the «Golden Meadow» cycle. The factual material, collected using the continuous sampling method, is represented by more than two hundred uses of lexical units involved in the organization of the concept sphere under study. 109 stories included in the cycle were considered. Quantitative indicators indicate the importance of the concept of «family» for the author and the significance of the conceptual sphere under study in the worldview of M.M. Prishvina.

Observations revealed that the very word-name of the concept sphere «family» is used extremely rarely by the author. To name the subject of his narration, along with direct designations of persons or animals, the author often uses words of a lexical-semantic group with the meaning of family and closely related connections that make up the semantic field of the concept sphere «family»: «mother», «father», «brother», «son», «daughter», «matchmaker», «grandfather», «grandmother», etc.

The core of Prishvin's concept sphere «family» is the concept «mother». The lexeme «mother» is frequently used; in the cycle of stories there are about 50 uses of different case forms of this word in two meanings.

Throughout the entire cycle, the author gradually creates the image of the «Great Mother»; Prishvin's motherhood is natural, desired, instinctive on the one hand and meaningful, sacrificial on the other.

For Prishvin, the family has both specifically human and generalized natural and supernatural significance. This is the only possible form of coexistence of similar individuals, necessary for the survival of the species. This is a huge world, the center of which is the mother as a powerful instinctive force that creates and preserves life in all its manifestations. Thus, an analysis of the concept sphere «family» showed that reading Prishvin's children's stories in preschool age and studying his work by younger schoolchildren contributes to the formation of a system of traditional family values, respectful attitude towards older generations and care for younger ones.

Keywords: concept; concept sphere; conceptual analysis; world-generating analysis; core of the concept sphere; syntagmatic connections; paradigmatic connections